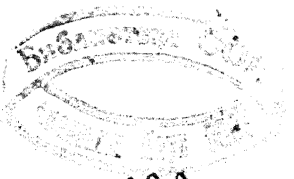
Глубокоуважаемому профессору Н. С. Суворову
отъ автора. 24/XI 904

Евг. Темниковскій

НОВАЯ КНИГА О ПАПСТВѢ.

А. Байковъ. Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Спб. 1904.

ЯРОСЛАВЛЬ
Типо-лит. наслѣд. Э. Г. Фалькъ, Духовск. ул., соб. домъ
1904.



080
38

Отдѣльный оттискъ изъ Юридической Библіографіи, издаваемой при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ. Вып. 66.

Предметъ книги г. Байкова—вопросъ международнаго права; но, поскольку дѣло идетъ о высшей власти католической церкви, объ отношеніи между католической церковью и государствами,—содержаніе книги имѣетъ ближайшее отношеніе къ церковному праву. Съ этой послѣдней точки зрѣнія мы и имѣемъ въ виду реферировать результаты работы г. Байкова.

Изслѣдованіе раздѣляется на три части: первая посвящена историческому очерку развитія элементовъ международной правоспособности папства, вторая часть даетъ конструкцію международной правоспособности вообще, наконецъ третья—конструкцію международной правоспособности папства. Первая и послѣдняя части имѣютъ ближайшее отношеніе къ церковному праву, что же касается второй, то, составляя большую посылку для третьей части, она имѣетъ чисто международно-правовое содержаніе.

Во введеніи, авторъ, указавши на прочность современнаго международнаго положенія папства, не смотря на паденіе церковнаго государства,—отмѣчаетъ двоякаго рода отношеніе къ этому факту: одни пытаются отрицать самый фактъ, другіе оправдать его допущеніе исключительно соображеніями цѣлесообразности. Ни то ни другое не удовлетворяетъ автора. „Папа не можетъ и не долженъ быть признанъ субъектомъ международнаго права, а между тѣмъ таковымъ онъ является... Не скрывается ли источникъ подобнаго противорѣчія въ принципѣ, согласно которому государство является единственнымъ субъектомъ международнаго права?“ Г. Байковъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ утвердительно. Элементы международной правоспособности, по его взгляду, заключаются въ верховенствѣ, свободѣ и независимости; папскій престолъ, обладая всѣми указанными элементами, *долженъ* быть признанъ субъек-

томъ международнаго права. Все содержаніе книги есть развитіе этого основного тезиса (Введеніе, стр. XXIX—XXXV).

Исторія развитія элементовъ международной правоспособности папства дѣлится въ книгѣ на четыре періода: первый (до Григорія VII) характеризуется господствомъ государства надъ церковью; второй (до Авиньонскаго плѣненія)—главенствомъ духовной власти; третій (до Французской революціи)—освобожденіемъ государства изъ-подъ опеки папства, при чемъ отношенія обѣихъ властей начинаютъ строяться на началахъ равенства ихъ; наконецъ, характерныя черты четвертаго періода (до 1870 г.)—окончательное освобожденіе католическихъ государствъ отъ господства власти духовной и построеніе отношеній между церковью и государствомъ на началахъ международнаго равенства (стр. 1—3).

До Григорія VII совокупность благопріятныхъ историческихъ факторовъ подготовляетъ политическую эмансипацію папства; но послѣдняя, обусловливаясь развитіемъ религіознаго авторитета св. Престола до степени суверенной власти, оказалась въ эту эпоху недостижимой. Таковы выводы относительно перваго періода. Къ сожалѣнію авторъ слишкомъ упростилъ свою задачу, сведя ее къ обзору внѣшнихъ историческихъ фактовъ, внутренней же исторіи папства, стоящей въ тѣсной связи съ исторіей юридической структуры западной церкви вообще, онъ почти не коснулся. Если бы былъ произведенъ надлежащій анализъ исторіи идей, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась юридическая структура западной церкви, то авторъ не прошелъ бы молчаніемъ вліянія на эту структуру публичнаго римскаго права. Тогда, опека имперіи, постепенный ростъ религіознаго авторитета папы и обусловливавшаяся имъ политическая эмансипація папства получили бы иное освѣщеніе. Указаніе же на великое переселеніе народовъ, просвѣтительную дѣятельность папъ, значеніе Рима и легенду о св. ап. Петрѣ, какъ первомъ епископѣ Рима (авторъ говоритъ только объ основаніи римской общины апп. Петромъ и Павломъ) (стр. 15)—все это повтореніе свѣдѣній, уже давно извѣстныхъ, и изслѣдованіе вопроса о развитіи папской власти ими не подвигается впередъ, а обходъ въ изслѣдованіи о международной правоспособности папскаго престола вопроса объ этомъ развитіи соединенъ съ значительнымъ рискомъ.

Г. Байковъ противопоставляетъ абсолютно-монархическому, папскому режиму режимъ епископальный (аристократически-

епископальный), будто бы предшествовавшій первому. „Замѣна епископальнаго режима абсолютно-монархическимъ, говоритъ онъ, еще не завершилась въ эту эпоху. Носителемъ религіознаго верховенства являлся соборъ, а не папа“ (стр. 21). „Развитіе элементовъ международной правоспособности папства, его суверенитета, свободы и независимости, было органически связано съ паденіемъ епископальнаго режима“ (стр. 22). Авторъ почему то не обмолвился ни однимъ словомъ о тѣхъ фактахъ или ученіяхъ, изъ которыхъ онъ вывелъ свое положеніе о соборѣ, какъ „носителѣ религіознаго верховенства“.

Что же касается развитія религіознаго суверенитета папъ, то г. Байковъ затрогиваетъ этотъ вопросъ въ очеркѣ второго періода. „Недостатки епископальнаго режима способствуютъ развитію религіознаго суверенитета св. Престола. Въ виду невозможности эмансипировать мѣстное духовенство въ политическомъ отношеніи, церкви оставалось одно изъ двухъ—примириться съ существующимъ зависимымъ отъ государства положеніемъ, или же замѣнить епископально-аристократическій режимъ абсолютной духовной монархіей. Судьба рѣшила этотъ вопросъ въ пользу папства. Такимъ образомъ, *развитіе религіозной власти послѣдняго коренилось въ сознаніи непригодности епископата* (курсивъ мой), зависимость котораго отъ государства, роковымъ образомъ отражаясь на интересахъ церкви, была не желательной, а независимость достижимой. (Гдѣ и когда выразилось сознаніе непригодности епископата—это было бы не безынтересно выслушать. Е. Т.). Религіозный авторитетъ св. Престола возвышается лишь постепенно“... Изложивши далѣе содержаніе 5 и 4 кан. I вс. соб., авторъ указываетъ на распространеніе папскаго вліянія католическими миссіонерами, на дѣятельность Григорія Великаго, а затѣмъ вспоминаетъ, что онъ забылъ Сардикскій соборъ (343 г.) и возвращается къ нему, но на свою же бѣду. „Помѣстный Сардикскій соборъ предоставляетъ папѣ высшую судебную власть надъ епископами. Осужденный мѣстнымъ синодомъ епископъ въ правѣ ходатайствовать передъ папой о назначеніи новаго судебнаго разбирательства. *При вторичномъ осужденіи, все дѣло по просьбѣ обвиняемаго переносится, въ апелляціонномъ порядкѣ, въ Римъ на окончательное разрѣшеніе папы.* Замѣщеніе осужденнаго епископа новымъ не допускается до утвержденія св. Престоломъ обвинительнаго приговора“ (стр. 34—35). Отмѣченное курсивомъ собственнаго сочиненія г. Байкова. Чтобы видѣть, съ какими

искаженіями передаются каноны Сардикскаго собора, приведу ихъ изложеніе по Hinschius'y [1]). Если епископъ осужденъ на низложеніе, читаемъ мы здѣсь, но полагаетъ, что онъ правъ, то дѣло его направляется къ римскому епископу или осудившими его епископами, или самимъ осужденнымъ. Римскій епископъ, вслѣдствіе такого обращенія, долженъ рѣшить, соотвѣтствуетъ ли справедливости производство новаго изслѣдованія дѣла или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ остается въ силѣ постановленный приговоръ. Въ противоположномъ случаѣ римскій епископъ возбуждаетъ новое разслѣдованіе чрезъ епископовъ изъ сосѣдней провинціи, назначая ихъ письменно; кромѣ того, если сочтетъ нужнымъ, посылаетъ для этого нѣсколько пресвитеровъ, которые судятъ вмѣстѣ съ епископами. Просьбой низложеннаго епископа о пересмотрѣ дѣла отсрочивается исполненіе низложенія до дальнѣйшаго рѣшенія, поскольку каѳедра провоканта не замѣщается.

Упомянувши затѣмъ о функціяхъ римскаго папы въ подвѣдомственной ему области („патріархатѣ"?), о роли Льва Великаго въ исторіи евтихіанской ереси и объ осужденіи Гонорія I-го за ересь, г-нъ Байковъ покачиваетъ съ исторіей развитія религіознаго авторитета папы и приходитъ къ выводу: „такимъ образомъ, верховная власть по религіознымъ вопросамъ сосредоточивалась въ рукахъ самой церкви; носителемъ этой власти является соборъ, а не папа" (стр. 34—36).

Но вселенскій соборъ (а о немъ только и должна быть рѣчь) не можетъ быть признаваемъ въ качествѣ *юридическаго* носителя верховной власти въ церкви для этой эпохи. Во 1-хъ вселенскій соборъ никогда не былъ носителемъ постоянной власти, ординарнымъ органомъ церкви, такъ какъ собирался по случайнымъ поводамъ (возникшія ереси); во 2-хъ ни сами соборы, ни юридическое сознаніе эпохи вообще не выработали опредѣленныхъ юридическихъ признаковъ вселенскаго собора; мало того—и выработать такихъ признаковъ не могли, такъ какъ необходимый реквизитъ правомѣрности всякаго собора, въ томъ числѣ и вселенскаго, видѣли въ матеріальной истинности (православіи) соборныхъ постановленій; при та-

[1]) System d. kathol KR. B IVI SS. 475, 476. Кстати замѣтимъ, что г-нъ Байковъ почему то игнорируетъ этотъ капитальный курсъ церковнаго права, часто обращаясь въ то же время къ компилятивному учебнику Zorn'a.

комъ положеніи дѣлъ, само собою понятно, не могло быть рѣчи объ юридическомъ носителѣ суверенной церковной власти. Идеальнымъ носителемъ ея была церковь, но кто являлся высшимъ органомъ церкви—это не опредѣлялось юридически; авторитетъ цѣлаго собора неправославно вѣрующихъ и исповѣдующихъ вѣру отцевъ отвергался и не безъ успѣха оспаривался однимъ или нѣсколькими православными. Словомъ реальный носитель высшей церковной власти за разсматриваемую эпоху юридически не опредѣлялся и опредѣляться не могъ; это противорѣчило бы основному характеру этой эпохи. Какъ въ революціонный періодъ въ государствѣ реальный носитель власти опредѣляется не юридически, а фактически, и только въ собственной силѣ и признаніи находитъ титулъ своей правомѣрности, такъ и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, когда ереси потрясли основные устои христіанской религіи, реальнымъ носителемъ верховенства въ церкви былъ тотъ, кто былъ православенъ и за кѣмъ оставалось признаніе церкви. Говорить объ епископальномъ режимѣ, о соборѣ, какъ юридическомъ носителѣ суверенной власти въ церкви, по отношенію къ разсматриваемой эпохѣ значитъ давать миѳологію вмѣсто исторіи.

Съ только что высказанной точки зрѣнія понятны факты, свидѣтельствующіе о томъ, что папы, какъ представители (не въ техническомъ значеніи слова) цѣлой половины христіанскаго міра, сравнительно менѣе затронутой ересями, въ періодъ вселенскихъ соборовъ нерѣдко противопоставляли свой голосъ соборному авторитету. Съ этой точки зрѣнія понятенъ также и тотъ фактъ, что папы, наиболѣе содѣйствовавшіе развитію религіознаго авторитета св. Престола, дѣйствовали какъ разъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ (Левъ Великій—IV вселенскій соборъ, Николай I—соборы при Фотіи) и наоборотъ, съ прекращеніемъ вселенскихъ соборовъ папы не только не подвинули впередъ развитія своего авторитета, а уронили послѣдній до уровня, до какого онъ не спускался ни прежде, ни послѣ—до самой великой схизмы. Такимъ образомъ, папа не былъ преемникомъ власти вселенскихъ соборовъ; его власть выросла на свободномъ, незанятомъ мѣстѣ и была единственной удавшейся попыткой дать юридическое рѣшеніе вопросу о высшей власти въ церкви [1]). Церковное право знаетъ толь-

[1]) Особенно талантливо и съ тонкимъ знаніемъ источниковъ очерчено отношеніе папскаго, абсолютно-монархическаго режима къ епископату, а рав-

ко одно это рѣшеніе. Ни въ православной церкви, ни въ протестантской вопросъ о высшей церковной власти не получилъ своего рѣшенія, поскольку дѣло идетъ не о доктринѣ только, но и о реальномъ юридическомъ порядкѣ. Въ этомъ именно лежала основа «религіознаго авторитета» папы, давшаго ему высокое положеніе въ области политическихъ отношеній

Но мы вполнѣ согласны съ г. Байковымъ, что за разсматриваемый періодъ папы не достигли признанія своего «религіознаго авторитета», т. е. значенія юридическихъ носителей верховной власти въ церкви.

Судьба папства со времени Григорія VII до Авиньонскаго плѣна (XI, XII и XIII вв.) очерчена г. Байковымъ очень слабо.

Авторъ въ своей работѣ выходитъ изъ положенія, что за всю исторію папства сознаніе особности двухъ организмовъ—религіознаго и свѣтскаго, церкви и государства—стояло приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время Ясно эта мысль не высказывается, но она составляетъ такъ сказать общую предпосылку его разсужденій. Изслѣдователи среднихъ вѣковъ уже давно оставили эту невѣрную точку зрѣнія. Какъ въ Римѣ и Византіи религіозная жизнь была только одной стороной государственнаго быта, такъ и на западѣ сознаніе особности обоихъ организмовъ и ихъ взаимной независимости было чужно среднимъ вѣкамъ. Все человѣчество представлялось единымъ юридически организованнымъ союзомъ (christianitas), который назывался то ecclesia universalis, то respublica generis humani. Такимъ образомъ, если съ современной точки зрѣнія церковь и государство признаются высшими организаціями, то средневѣковое мышленіе не останавливалось на этомъ: оно требовало устраненія дуализма высшимъ единствомъ (ad unum reduci) и объединяло церковь и государство въ высшій союзъ. Послѣдній представлялся съ единымъ юридическимъ порядкомъ (lex) и съ единымъ правительствомъ (unicus principatus) [1]. При смѣшеніи юридическаго закона съ нравственнымъ, при рели-

---

но и къ соборамъ въ книгѣ Rud. Sohm'a. Kirchenrecht. B. I. Die geschichtliche Grundlagen. Leipzig. 1892. Книга эта осталась неизвѣстной г. Байкову

[1]) O. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. B. III SS. 517 ff. Богатѣйшіе результаты непосредственнаго изученія средневѣковой литературы, заключающіеся въ книгѣ Gierke, остались неиспользованными г. Байковымъ.

гіозности общаго міросозерцанія средневѣковья подъ іех понимался богоустановленный порядокъ жизни, истолкователь-ницей котораго естественно являлась церковь. Если далѣе принять во вниманіе, что папа постепенно пріобрѣталъ значеніе юридическаго носителя суверенной власти въ церкви, то легко выясняется, почему онъ становится на такую высоту сравнительно со свѣтскими властителями, какой не знаетъ вообще современное право. Само собою понятно, насколько это способствовало развитію «суверенитета, свободы и независимости» папскаго престола.

Для изслѣдователей среднихъ вѣковъ опасно не только перенесеніе въ ту эпоху современнаго пониманія особности религіознаго и государственнаго союза, но и легко допускаемая подмѣна средневѣковаго пониманія государства новымъ. Если въ настоящее время всѣ или почти всѣ государства обладаютъ суверенитетомъ, свободой и независимостью, то нельзя того же сказать про средніе вѣка. Оставляя даже въ сторонѣ феодализмъ, связывавшій средневѣковыя государственныя образованія отношеніями субординаціи, и помимо этого, въ разсматриваемую эпоху мы не имѣемъ въ собственномъ смыслѣ независимыхъ и суверенныхъ государствъ, такъ какъ они входили въ большій и высшій союзъ—имперію.

Имперія жила, подобно церкви, идеей универсальнаго союза человѣчества и вмѣстѣ съ ней была только одной стороной этого союза. Отсюда характерная для среднихъ вѣковъ теорія, находившая свое оправданіе въ многочисленныхъ фактахъ, въ силу которой каждая изъ обѣихъ властей—свѣтская и церковная—въ случаѣ настоятельной надобности могла и должна была принимать на себя чуждыя функціи для блага цѣлаго союза. Эта теорія всего яснѣе открываетъ, какъ далеки были представленія среднихъ вѣковъ о государствѣ, церкви и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ отъ нашихъ современныхъ.

Г. Байковъ не далъ себѣ труда изучить кругъ главнѣйшихъ идей среднихъ вѣковъ, поэтому вмѣсто научныхъ обобщеній онъ даетъ въ своей книгѣ апріорныя схемы, на которыя нанизаны отдѣльные факты.

Сказавши нѣсколько общихъ положеній о Григоріи VII, авторъ проходитъ мимо такихъ папъ, какъ Александръ III, Иннокентій III и Бонифацій VIII, ограничиваясь только замѣчаніемъ, что они «лишь идутъ далѣе по пути, намѣченному Григоріемъ VII» (стр. 41).

Интересно примѣчаніе на этой же страницѣ: «Въ XII в. появляется въ свѣтъ изданіе Болонскаго монаха Граціана Decretum Gratiani,—сводъ документовъ, вошедшихъ въ Лженсидоровы декретали (?) съ послѣдующими добавленіями, въ духѣ новаго режима, созданнаго Григоріемъ VII.—Это сочиненіе вскорѣ становится настольной книгой канонистовъ (только ?).—См. Friedberg. Corpus juris canonici, pars prior, Decretum magistri Gratiani»... Для кого назначаются такія примѣчанія? Ужели авторъ полагалъ, что будущіе читатели его книги не освѣдомлены, что есть на свѣтѣ Corpus juris canonici. Если примѣръ г. Байкова найдетъ себѣ подражателей, то въ диссертаціяхъ по римскому праву будутъ встрѣчаться цитаты въ родѣ слѣдующей. при Юстиніанѣ появляются въ свѣтъ Пандекты, сводъ отрывковъ сочиненій римскихъ юристовъ... и т. д. См. . заглавіе изданія Mommsen'a. Еще болѣе своеобразно продолженіе примѣчанія: „Döllinger. Das Papstthum S. 55 ff., Zorn. l. c. (т. е. Lehrbuch d. KR.) S. 121 ff.“ Оказывается, въ учебникѣ Zorn'a говорится на указанной страницѣ и на двухъ слѣдующихъ о Decretum Gratiani—даются свѣдѣнія, которыя существуютъ въ каждомъ элементарномъ учебникѣ церковнаго права. Мы обратили вниманіе на эту цитату потому, что цитаты подобнаго рода не единичны.

Итакъ, авторъ не предполагаетъ у читателей его книги свѣдѣній о Decretum Gratiani и рекомендуетъ имъ познакомиться съ этимъ памятникомъ по учебнику Цорна. Конечно, это его дѣло. Но самому то пишущему историческій очеркъ развитія международной правоспособности папъ не мѣшало бы познакомиться не съ Decretum Gratiani только, а и съ остальными частями Corpus juris canonici и не по одному Цорну. Этого знакомства совсѣмъ не замѣтно. Само собою понятно тогда, что свѣдѣній автора хватило только на то, чтобы указать, что паны Александръ III, Иннокентій III и Бонифацій VIII идутъ далѣе по пути, намѣченному Григоріемъ VII.

Послѣ приведеннаго было бы напрасно предъявлять къ автору требованія объ анализѣ положеній, заключающихся въ Corpus juris canonici, относительно папской власти. А между тѣмъ время составленія Corpus juris canonici было періодомъ формально-юридическаго закрѣпленія положенія папъ, какъ реальныхъ носителей суверенной власти въ церкви.

Если относительно древнѣйшей эпохи католической церкви имѣетъ силу положеніе: ecclesia (духовенство) vivit lege roma-

на. то ко времени изданія Decretum Gratiani,—нормы римскаго права перемѣшиваются съ каноническими, сливаясь въ единую систему права, въ которой различіе источниковъ теряетъ свое значеніе. Дальнѣйшее развитіе каноническаго права (остальныя части Corpus juris canonici) уже характеризуются тѣмъ, что церковь пригоняетъ римское право къ своимъ потребностямъ и соотвѣтственно съ послѣдними видоизмѣняетъ его нормы по своему усмотрѣнію. Право, по своему содержанію римское, становится формально каноническимъ. Затѣмъ каноническое право окончательно освобождается отъ римскаго и получаетъ самостоятельное значеніе. Полное отдѣленіе каноническаго права отъ римскаго совпадаетъ съ тѣмъ фактомъ, что положеніе папы возросло до положенія государя въ свѣтской и церковной сферѣ. Власть римскихъ императоровъ признавалась всемірной. Папы стремятся создать себѣ аналогичное положен'е. Въ то время какъ императорская власть ослабляется, власть папы крѣпнетъ и развивается, имѣя своимъ послѣдствіемъ ослабленіе авторитета помѣстныхъ церквей и ихъ мѣстнаго права. Послѣднее вынуждено отступить предъ централизованнымъ общимъ церковныхъ правомъ всего католическаго христіанства. Такимъ образомъ, рядомъ съ паденіемъ власти императора идетъ противоположное движеніе—возвышеніе власти папы и развитіе церковнаго права въ централистическомъ духѣ. Декретъ Граціана явился какъ нельзя болѣе кстати, заложивъ основаніе, на которомъ воздвигнуто было зданіе каноническаго права.

Мѣсто римской имперіи занимаетъ ея наслѣдница—римская церковь. Церковно-религіозныя понятія получаютъ государственно-правовую окраску. Римская церковь усвоетъ государственныя представленія Рима и примѣняетъ ихъ къ своимъ отношеніямъ [1]).

Интересно, что оппозиція обѣимъ универсальнымъ организаціямъ появляется почти одновременно и изъ одного и того же пункта: Франція, первое консолидированное на національныхъ основахъ государство, начала борьбу одновременно на два фронта—противъ папства и противъ имперіи.

Чтобы дать представленіе о пріемѣ автора, состоящемъ въ

---

[1]) Ср. В. Э. Грабарь. Римское право въ исторіи международно-правовыхъ ученій. Юрьевъ. 1901. стр 95, 96, 108. Г. Байковъ почему то игнорируетъ эту работу, сдѣланную съ тонкимъ умѣніемъ и изъ солиднаго матеріала.

напизываніи фактовъ на априорно заготовленныя схемы, приведу развитіе слѣдующихъ положеній. По степени интенсивности идея главенства духовной власти надъ свѣтской выразилась въ двоякой формѣ—а) религіозный суверенитетъ ограничиваетъ свѣтскій суверенитетъ государей. аа) Св. Престолъ является носителемъ обѣихъ властей—духовной и свѣтской—цитата изъ Григорія VII. [illegible] Власть государей по существу производна—цитата изъ Иннокентія [illegible] о двухъ свѣтилахъ, выписка изъ книги Чичерина (Истор. политич. уч.) о значеніи „коронаціи“, выписка изъ буллы [illegible] Къ этому мѣсту любопытное примѣчаніе. „Въ томъ же духѣ, т. е. въ духѣ буллы Unam sanctam, высказывается большинство средневѣковыхъ *канонистовъ*, напр. Альваръ Пелагій, Августинъ Тріумфъ и св. Бонавентура“... слѣдуетъ нѣсколько строкъ изъ De planctu ecclesiae перваго и изъ Summa de potestate ecclesiastica второго... „то-же говоритъ и св. Бонавентура (см. Laurent. l. c. p. 51)“. Непонятно, какимъ образомъ послѣдній попалъ въ канонисты; еще болѣе непонятно, почему автору потребовались для очерка второго періода (до Авиньонскаго плѣненія) Августинъ Тріумфъ († 1328 г., Summa de potestate ecclesiastica напис. между 1320, 1324 и 1328) и Альваръ Пелагій (De planctu ecclesiae появилась въ первый разъ въ 1332 или 1335 г., во второй разъ—въ переработанномъ видѣ—въ 1340 г.).—Продолжимъ схему. сс) Власть государей не обладаетъ необходимымъ элементомъ легальности (авторитетомъ)—цитата изъ Григорія VII. в) Религіозный суверенитетъ св. Престола ограничиваетъ независимость государей (теорія гармоническаго сосуществованія властей)... „Государь, хотя и обладаетъ властью, по существу вполнѣ самобытной, но въ осуществленіи послѣдней онъ зависимъ, ограниченъ обязанностью согласоваться съ интересами церкви“.—Г. Байковъ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду теорію potestatis indirectae церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, не знаетъ только, что за разсматриваемый имъ періодъ (до XIV в.) нѣтъ даже намека на эту теорію. Послѣднее обстоятельство впрочемъ нисколько его не стѣсняетъ, и онъ спокойно ссылается на Роб. Беллярмина (род. 1542 г., † 1621 года), на Антонія Розелли († 1466 г.), на Жерсона (р. 1363 г., † 1425 г.), которому собственно и принадлежатъ первые намеки на эту теорію [1]). Но что всего неожиданнѣе, такъ это утвержденіе автора, что

[1]) См. O. Gierke. Op. cit. B. III S. 522 Anm. 13 subfin.

основные принципы теоріи изложены еще у Ѳомы Аквинскаго. Подъ строкой нѣсколько ссылокъ на литературу, но не указывается ни одного мѣста изъ сочиненій Ѳомы Аквината. Для науки было бы весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ, если бы г. Байковъ доказалъ, что основные принципы теоріи, развитой Беллярминомъ, изложены еще у Ѳомы Аквинскаго († 1274). Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока авторъ не познакомится съ сочиненіями послѣдняго, его научное открытіе не можетъ имѣть большой цѣнности (стр. 55—62).

Очеркъ третьяго періода (отъ Авиньонскаго плѣна до великой революціи) не лучше предыдущихъ. И здѣсь тотъ же пріемъ—ставить апріорныя схемы и подгонять къ нимъ историческіе факты, и тоже отсутствіе изученія существенно-характерныхъ чертъ эпохи.

„Стремленіе къ всемірному господству пагубно отражается на нравственномъ уровнѣ папства. Нравственный упадокъ папства умаляетъ его независимость по отношенію къ государству. Политическая зависимость папства приводитъ къ великой католической схизмѣ (?). Великая католическая схизма умаляетъ религіозно-нравственный авторитетъ папства. Умаленіе религіозно-нравственнаго авторитета папства влечетъ за собой ограничительныя постановленія Констанцскаго и Базельскаго соборовъ въ духѣ епископально-аристократическаго режима. Возстановленіе послѣдняго, въ связи съ реформаціей, эмансипируетъ государства изъ подъ опеки папства, слабость котораго принуждаетъ его искать поддержки у свѣтской власти, что, въ свою очередь, возвышаетъ значеніе послѣдней“.

„При такихъ условіяхъ государства пріобрѣтаютъ элементы международной правоспособности по отношенію къ св. Престолу. Радикальная политика собора обрекаетъ его на бездѣятельность. Возстановленіе соборомъ епископальнаго режима угрожаетъ независимости духовной власти отъ свѣтской. При такихъ условіяхъ въ католической церкви возникаетъ реакція въ пользу возстановленія верховенства папскаго престола“...

„Св. Престолъ сохраняетъ элементы международной правоспособности—суверенитетъ, свободу и независимость—въ отношеніи къ государству.... Но развитію международной конструкціи (?) взаимныхъ отношеній церкви и государства препятствуетъ абсолютно-монархическая, патріархальная форма государственнаго устройства“ (стр. 87 и сл. особ. 118, 119).

Такова общая схема историческаго очерка третьяго періода исторіи развитія суверенитета, свободы и независимости папскаго престола.

Г. Байковъ слишкомъ много ставитъ въ счетъ нравственному упадку папства, элементу въ исторіи послѣдняго случайному, и въ то же время недостаточно останавливаетъ свое вниманіе на структурѣ папства, какъ института, государствъ и отношеній между первымъ и вторыми. Какъ въ очеркѣ второго періода онъ упустилъ изъ вниманія консолидацію католической церкви на основахъ каноническаго права, которое по своему содержанію въ сущности было римскимъ, а равно организацію государствъ поскольку они входили въ имперію, такъ и въ разсматриваемомъ теперь очеркѣ онъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что новаго привнесла съ собой эпоха конца средневѣковья и первыхъ вѣковъ новой исторіи относительно структуры церкви и государства и ихъ взаимныхъ отношеній.

Какъ уже было замѣчено, на конецъ среднихъ вѣковъ падаетъ составленіе послѣднихъ частей Corpus juris canonici. Папа не только фактически, но и юридически сталъ сувереномъ въ ecclesia universalis. Какъ разъ на этотъ моментъ падаетъ послѣдняя, самая отчаянная борьба между папствомъ и имперіей, которая по идеѣ притязала на аналогичное положеніе въ respublica generis humani. Въ борьбѣ Іоанна XXII и Людовика Баварскаго съ обѣихъ сторонъ было развернуто все идейное богатство эпохи, чтобы оспорить другъ у друга суверенное положеніе въ regnum mundi [1]). Папа стоялъ на почвѣ идей Иннокентія III и Бонифація VIII. Публицисты имперской партіи отстаивали суверенитетъ и независимость императорской власти, опирая его на идеальный суверенитетъ народа (Вильгельмъ Оккамъ, Марсилій Падуанскій). Исходъ борьбы, какъ извѣстно, былъ неудаченъ для имперіи. Но въ то время, какъ папство сводило счеты съ имперіей, въ старой средневѣковой оболочкѣ обозначился новый порядокъ, который уже тяготѣлъ и надъ папой. Провозвѣстницей новаго порядка была Франція, а существеннымъ результатомъ его—государство на національной основѣ съ наслѣдственной королевской властью. По отноше-

[1]) Такъ называлъ Людовикъ Баварскій имперію. Boner. Fontes I, 189; цитир. у Riezler. Die literarische Widersacher der Papste zur Zeit Ludwig des Baiers. Leipzig. 1874. S. 12. Anm.

нію къ власти папъ былъ уже высказанъ принципъ, что французскій король въ свѣтскихъ дѣлахъ не признаетъ надъ собой иного государя, кромѣ Бога (петиція буржуазіи къ Филиппу Красивому); и по отношенію къ имперіи французскіе короли руководились положеніемъ: le roy ne tien de nului fors de Dieu et luy, или въ положительной формѣ—rex Franciae imperator in regno suo. Отрѣшившись отъ идеи имперіи, Франція положила солидныя основанія для новаго порядка междугосударственныхъ отношеній. Аналогичный результатъ получился и по отношенію къ ecclesia universalis: вольности галликанской церкви постепенно складываются въ эту эпоху [1]).

Новые принципы встрѣтили, какъ извѣстно, оппозицію противъ себя со стороны папъ (Бонифацій VIII); но оппозиція была сломлена силой, папы оказались плѣнниками. Что же касается имперіи, то хотя она въ идеѣ не отказывалась отъ подчиненія себѣ Франціи и Англіи, почти ни въ чемъ не проявляла своего авторитета въ этихъ государствахъ, а въ концѣ среднихъ вѣковъ была ослаблена, нападеніемъ, шедшимъ отъ авиньонскихъ папъ.

Политическое приниженіе папства было результатомъ не нравственнаго упадка носителей папской тіары, а нарождающагося новаго порядка, новой структуры государства, съ которыми папы вступили въ борьбу, словомъ—ликвидаціи средневѣковаго строя. Франція впервые поставила вопросъ—быть или не быть суверенному государству. Такъ какъ самымъ сильнымъ противникомъ положительнаго рѣшенія вопроса было папство, то на него и былъ направленъ ударъ.

Причину схизмы авторъ видитъ въ политической зависимости папъ; но какимъ образомъ полученъ этотъ выводъ совсѣмъ не ясно. Разсказать нѣкоторые факты изъ исторіи избранія Урбана VI и Климента VII не значитъ выяснить вопросъ.

Въ исторіи великой схизмы важенъ не фактъ избранія антипапы (таковые были и ранѣе), а трудность или даже невозможность найти законное средство къ прекращенію раскола и

---

[1]) Для установленія этого факта нѣтъ надобности признавать подлинность Прагматической Санкціи Людовика Святого, какъ это, по видимому, дѣлаетъ авторъ (стр. 78 прим. 4). Неподлинность акта давно уже доказана исторической критикой.

поэтому его продолжительность. Но послѣднія коренились въ самомъ характерѣ папства, какъ юридическаго института.

Съ достиженіемъ папой высоты всемірнаго господства, кардиналатъ—это своего рода сенатъ при папѣ,—облеченный сверхъ того правомъ опредѣлять путемъ выбора лицо монарха въ церкви, естественно, достигъ значенія громадной политической силы. Коронованные особы и государства старались пріобрѣсти благосклонность какого либо кардинала или партіи ихъ не только на моментъ избранія папы, но и на остальное время. Ни одинъ папа не могъ быть свободенъ отъ вліянія „братьевъ"-кардиналовъ [1]). Послѣднее обстоятельство вносило въ среду высшихъ сановниковъ духъ партійности съ политическимъ оттѣнкомъ.

Независимо отъ того, самая форма устройства церкви—избирательная монархія, общая у нея съ имперіей, заключала въ себѣ элементы нѣкоторой неопредѣленности относительно реальнаго носителя высшей власти. Кто является органомъ высшей власти въ избирательной монархіи: монархъ или монархъ и избирательная коллегія? Какъ должны быть обсуждаемы возможныя коллизіи между ними. Средніе вѣка знаютъ не одинъ случай спорнаго избранія монарха. По отношенію къ имперіи папы притязали на окончательное рѣшеніе спорнаго, сомнительнаго избранія; имперская партія видѣла средство рѣшенія спора въ войнѣ. Какъ рѣшить дѣло въ случаѣ сомнительности избранія папы, кто можетъ быть судьей правильности избранія, когда prima sedes a nemine judicatur, omnes judicat? Но съ другой стороны, коллегія избирателей, кардиналовъ, является какъ бы естественнымъ судьей въ вопросѣ—выполнены ли правила, предписанныя для избранія.

Великая схизма была результатомъ противорѣчія, скрывавшагося въ самой сущности абсолютной избирательной монархіи и обнаружившагося при политической партійности избирателей. Что политическія мотивы были здѣсь только поводомъ, видно изъ отношенія на первыхъ порахъ главныхъ дѣйствовавшихъ во время схизмы государствъ—Франціи и Германіи—къ вопросу о двойномъ избраніи папы. То положеніе, что избранный—итальянецъ, а фрондировавшіе кардиналы—французы, не обратило на себя должнаго вниманія. Скорѣе всѣхъ за-

[1]) K. Wenck Konrad v. Gelnhausen und Quellen d. konziliaren Theorie. Hist. Zeitschr. v. Sybel. B. 76 (N. F. LX) 1895. S. 18.

нималъ вопросъ—на чьей сторонѣ право, и какъ Карлъ V, король французскій, такъ и Карлъ IV, императоръ германскій, содѣйствовавшій возвращенію папъ въ Италію, оказались противъ Урбана VI [1]). Не сразу присоединилась къ рѣшенію, диктовавшемуся національными мотивами, и высшая парижская школа, третья великая сила среднихъ вѣковъ рядомъ съ папствомъ и имперіей. То же подтверждаетъ и дальнѣйшая исторія схизмы. Французскій король и парижскій университетъ неоднократно объявляли себя нейтральными по отношенію къ обоимъ папамъ. Все это показываетъ, что соображенія права преобладали надъ интересами политики.

Авторъ, допустивши ранѣе ошибочное положеніе относительно „аристократически-епископальнаго режима", видитъ во всемъ такъ называемомъ епископальномъ, или точнѣе—конціліарномъ, движеніи возстановленіе этого режима. Грубая историческая ошибка явилась результатомъ недостаточнаго знакомства автора съ работами, касающимися даннаго предмета. Книги, служившія пособіями г. Байкову, выбраны, по видимому, случайно: такъ, попались подъ руки. Однѣ изъ нихъ уже давно устарѣли, другія благодаря своему общему характеру не могли быть полезными пособіями для спеціальной работы. Не говоря о новыхъ работахъ, не использованы даже свѣдѣнія, данныя въ книгѣ O. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht, курсѣ Hinschius'a, монографіи Hübler'a и друг.

Сущность конціліарнаго движенія заключалась не въ возстановленіи „аристократически-епископальнаго режима", какъ думаетъ г. Байковъ, а въ попыткѣ переработать на новыхъ основаніяхъ вопросъ о носителѣ суверенной власти въ церкви. Соборы конціліарной эпохи и соборы первыхъ девяти вѣковъ христіанской эры двѣ совершенно различныя величины.

Послѣдніе не были въ собственномъ смыслѣ органами церкви, такъ какъ отожествляли себя съ церковью, абсорбировали ее. Этому нисколько не противорѣчило исключительное участье на соборѣ епископовъ, такъ какъ они только составляли учащую церковь. Юридическій титулъ права участія на соборѣ съ рѣшающимъ голосомъ заключался въ правѣ преемства апостоламъ (successio), иначе говоря—въ епископскомъ санѣ. Созваніе вселенскихъ соборовъ по поводу возникновенія ересей

[1]) Wenck Op. cit. S. 20.

(фактовъ случайныхъ) устраняетъ мысль о нихъ, какъ ординарныхъ органахъ церковной власти.

Реформаторскіе же соборы дѣйствовали въ качествѣ высшихъ органовъ церкви, отсюда ясно сознанная мысль о репрезентативномъ характерѣ ихъ. Юридическій титулъ права участія на соборѣ усматривался въ представительствѣ извѣстной части церкви, поэтому на соборѣ могли засѣдать и лица не епископскаго сана. Для созванія соборовъ были установлены особые сроки; такимъ образомъ изъ экстраординарныхъ, случайныхъ собраній они должны были обратиться въ періодически функціонирующіе органы власти. Имъ давалось высшее значеніе сравнительно съ папой, который долженъ былъ обратиться въ исполнительный органъ (caput ministeriale) собора съ провизорной только распорядительной властью.

Какъ въ исторіи развитія абсолютно-монархическаго режима въ католической церкви большое значеніе имѣло римское право, такъ и въ конціліарномъ движеніи римская идея народнаго суверенитета была противопоставлена исторически сложившемуся монархическому режиму. Это не было возвращеніе церкви къ старому порядку, а въ собственномъ смыслѣ революція во имя новыхъ принциповъ. И теоретики конціліаризма, и сами соборы ясно сознавали, что съ точки зрѣнія не только дѣйствующаго, но и когда либо дѣйствовавшаго права соборъ не могъ быть правомѣрнымъ носителемъ суверенной церковной власти. Основаніе его правомѣрности должно было опираться не на соображенія права, а на соображенія цѣлесообразности.

Г. Бѣйковъ утверждаетъ, что радикальная политика собора дискредитировала его въ глазахъ католическаго міра. Но скорѣе наоборотъ, причина неуспѣха конціліарнаго движенія была въ томъ, что оно не было достаточно радикальнымъ. Идя на разрушеніе историческаго права, оно хотѣло въ то же время опираться и на него. Не всѣми конціліаристами, а только болѣе радикальною частью ихъ, сознавалось значеніе собора, какъ высшаго органа церковной власти, большинство же по прежнему смотрѣло на concilium generale и на ecclesia universalis, какъ на понятія равнозначащія. Идея репрезентативности не дала всѣхъ практическихъ консеквенцій относительно организаціи самаго представительства. Не получила своего логическаго развитія и идея собора, какъ ординарнаго носителя власти церкви; весьма многіе удовлетворялись мыслью о томъ,

что необходимъ только соборъ ad hoc, по случаю схизмы и реформы церкви. Отсюда странное на первый взглядъ стремленіе отождествить продолжительную схизму съ ересью. Кардинально измѣняя положеніе римскаго епископа въ церкви, конциліаристы не рѣшались въ то же время отказать папству въ значеніи института juris divini. Когда Лютеръ перенесъ вопросъ съ юридической почвы на догматико-богословскую и проявилъ больше смѣлости относительно исторически сложившагося порядка. эффектъ получился иной.

Что же касается того положенія, что конциліарное движеніе угрожало независимости духовной власти отъ свѣтской, то оно совсѣмъ не доказано. Конечно, реформаторскіе соборы не могли осуществиться безъ вмѣшательства свѣтской власти, но что самая конциліаристическая конструкція высшей власти въ церкви вела за собой зависимость отъ государства—это еще требуется доказать исторіей отношенія между реформаторскими соборами и представителями свѣтской власти. Совсѣмъ не убѣдительно апріорное положеніе, что „члены собора, лично и территоріально подвластные государству, обязаны повиноваться его законамъ“ (стр. 102). Члены собора, лично и территоріально подвластные разнымъ государствамъ, не подвластны государствамъ, какъ члены собора.

Причина „эмансипаціи государствъ отъ опеки папства“ коренилась не въ мнимомъ „возстановленіи епископальнаго режима“ и даже не въ неудавшейся попыткѣ перемѣстить центръ церковной власти, а въ новой французской концепціи самобытнаго, свободнаго и независимаго государства на національной основѣ съ наслѣдственной властью. Ко времени Констанцскаго собора идея національности имѣла уже такой успѣхъ, что сама ecclesia universalis на соборѣ оказалась расчлененной на націи. Характерно, что самая организація собора съ ея дѣленіемъ по націямъ заимствована была изъ Франціи и скопирована съ организаціи парижскаго университета.

Такимъ образомъ, къ концу среднихъ вѣковъ папству противостояла не одна имперія, связанная съ церковью и по происхожденію (translatio imperii) и по задачѣ (служебное значеніе свѣтской власти—brachium saeculare), а уже государства, чувствовавшія свою самобытность и свободу. Констанцскій соборъ окончился особыми соглашеніями (конкордатами) папы съ *отдѣльными* государствами, и въ дальнѣйшей исторіи кон-

кордать сталъ обычнымъ актомъ, опредѣляющимъ отношенія между папствомъ и государствами.

Если до конца среднихъ вѣковъ главной чертой папства было его универсальное юридическое значеніе, какъ духовно-свѣтскаго главы въ respublica generis humani, то развитіе въ новое время суверенныхъ государствъ естественно поставило границы этому значенію, но вмѣстѣ съ этимъ выступало на первый планъ значеніе папы, какъ верховнаго главы католической церкви, такъ же съ универсальнымъ характеромъ, при чемъ его свѣтскія правомочія естественно замыкались въ болѣе тѣсный кругъ церковнаго государства. Такимъ образомъ, коренное измѣненіе отношеній между государствами и папствомъ совпадаетъ съ началомъ новой исторіи, когда свѣтскій коррелятъ папства св. римская имперія теряетъ почти всякое реальное значеніе. Характернымъ признакомъ поворота была такъ неудачно трактуемая г. Байковымъ теорія potestatis indirectae папы въ свѣтскихъ дѣлахъ. Поэтому мы предпочли бы періодизацію автора иную. Вѣка XVI, XVII и большую половину XVIII слѣдовало бы выдѣлить изъ третьяго періода, съ которымъ они общаго ничего не имѣютъ, и разсматривать ихъ какъ отдѣльный періодъ, или какъ подраздѣленіе послѣдняго періода. Общую черту эпохи XVI—XIX вв. представляетъ то обстоятельство, что папству противостоятъ суверенныя государства. Черту различія двухъ половинъ этой эпохи, раздѣляемой французской революціей, можно видѣть въ структурѣ государства. До 1789 г. абсолютно-монархическій режимъ былъ общей формой государственнаго устройства, съ 1789 г. государства постепенно начинаютъ реформироваться на началахъ народовластія. Параллельно съ проникновеніемъ въ государственное устройство идеи народнаго суверенитета измѣняется и взглядъ на задачи государства и средства властвованія. Полицейское государство смѣняется постепенно правовымъ или культурнымъ. Этимъ стадіямъ развитія государства соотвѣтствуютъ и стадіи развитія отношеній между государствами и папствомъ. Теорія potestatis indirectae, послѣ нѣкотораго колебанія благосклонно принятая св. Престоломъ, означала примиреніе папства съ существованіемъ самобытныхъ государствъ. Успѣхъ идеи народовластія стоилъ папѣ лишенія свѣтскаго суверенитета въ церковной области. Утвердившееся правовое государство, предоставивши католической церкви на ряду съ другими религіозными обществами

публично-правное положеніе въ государствѣ и широкую свободу внутренней жизни (автономію), оградило свой суверенитетъ путемъ усвоенія себѣ исключительнаго права авторитарно разграничивать сферы государственнаго и церковнаго властвованія отъ всякихъ покушеній со стороны главы католической церкви.

Во второй части своей книги г. Байковъ даетъ конструкцію международной правоспособности вообще. Главнѣйшія положенія этой части изслѣдованія сводятся къ слѣдующему.

Суверенитетъ, свобода и независимость являются существенными, органически связанными между собой элементами международной правоспособности. Суверенитетъ есть власть, господство которой въ предѣлахъ принадлежащей ей компетенціи не обусловливается въ своемъ бытіи властью другихъ организмовъ или согласіемъ подчиняемыхъ.

Для выясненія понятія суверенитета различаются понятія господства, власти, полномочій и требованій.

Въ объемъ родового понятія господства входятъ, какъ виды, понятія власти и полномочій: если обязанность одного организма согласоваться съ волей другого обусловливается волей третьяго, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простыми полномочіями. Послѣднія получаютъ значеніе власти, когда источникъ господства коренится въ одной лишь волѣ господствующаго. Понятіе господства противополагается праву требованія: управомоченный опредѣляетъ волю обязаннаго безотносительно къ его согласію, при правѣ требованія воля обязаннаго служитъ единственнымъ источникомъ его обязательствъ.

Власть по природѣ своей всегда суверенна. Суверенитетъ и власть—это два названія одного понятія. Суверенная власть (или просто власть) ограничивается въ своей дѣятельности предѣлами принадлежащей ей компетенціи. Всякій актъ власти, превышающій компетенцію управомоченнаго, тѣмъ самымъ является юридически ничтожнымъ.

Суверенитетъ выражается въ двухъ формахъ власти: территоріальной и личной. Территоріальная власть въ свою очередь выражается въ трехъ формахъ: 1) территоріальной въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ силу которой данный общественный организмъ, соразмѣрно содержанію его власти, подчиняетъ всѣхъ лицъ, находящихся въ предѣлахъ принадлежащей ему территоріи; 2) экстерриторіальной, въ силу которой дан-

ный общественный организмъ въ предѣлахъ своей территоріи исключаетъ аналогичное по содержанію господство другихъ организмовъ [1]) и 3) детерриторіальной, въ силу которой эвентуально-недостающіе данному общественному организму территоріальныя формы верховенства возстановляются ipso jure по прекращеніи ограничительныхъ условій. Детерриторіальная форма верховенства выясняется изъ анализа власти оккупанта въ оккупированной территоріи. Власть государства, которому принадлежала оккупированная страна до оккупаціи, ipso jure возстановляется по прекращеніи условій, вытѣснявшихъ эту власть (по прекращеніи оккупаціи).

Личная форма власти выражается въ двухъ формахъ господства: положительной и отрицательной. Въ силу первой данный общественный организмъ господствуетъ надъ опредѣленными лицами безотносительно къ территоріи, гдѣ они находятся; въ силу второй онъ исключаетъ аналогичное господство другихъ организмовъ надъ тѣми же лицами. Такъ, переходъ на иностранную территорію не разрушаетъ подданства, которое продолжаетъ служить источникомъ различныхъ обязанностей по отношенію къ государству-отечеству.

Свобода, какъ элементъ международной правоспособности, есть юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, властвуя въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, исключаетъ господство надъ собой какой бы то ни было власти, кромѣ собственной.

Наконецъ, независимость опредѣляется, какъ юридическое состояніе, въ силу котораго данный общественный организмъ, въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается въ осуществленіи власти отсутствіемъ (некомпетентностью) или бездѣйствіемъ власти другихъ организмовъ.

Свобода является необходимымъ условіемъ верховенства, но нельзя того же сказать о независимости.

Мы опускаемъ дальнѣйшія подробности конструкціи международной правоспособности вообще и переходимъ къ третьей части книги, посвященной выясненію конструкціи международ-

---

[1]) Г. Байковъ отличаетъ экстерриторіальность, какъ форму верховенства отъ экстерриторіальности государей, дипломатическихъ представителей и прочихъ лицъ, изъятыхъ согласно началамъ международнаго права изъ сферы дѣйствія мѣстнаго закона. Послѣдняя, создаваемая договорнымъ порядкомъ, является относительной, производной. Первая авторитетна и самобытна.

ной правоспособности папства. Считаемъ нужнымъ оговориться, что не беремъ на себя задачи подробнаго критическаго анализа и этой части, ограничимся только главнѣйшими на нашъ взглядъ положеніями.

Г. Байковъ совершенно правильно признаетъ власть папскаго престола, въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, необусловливающейся властью другихъ организмовъ, а христіанскую церковь вполнѣ самобытнымъ и авторитетнымъ союзомъ. Таково и ученіе католической церкви. Напрасно только авторъ нагромождаетъ полстраницы цитатъ въ доказательство никѣмъ неоспариваемаго положенія относительно ученія церкви по этому пункту (стр. 234—235).

Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о томъ, что власть св. Престола не обусловливается въ своемъ бытіи согласіемъ подчиненныхъ. Человѣкъ, по взгляду г. Байкова, „въ принципѣ можетъ свободно принять или отвергнуть какъ церковь такъ и государство. Но признавъ для себя существенной данную цѣль, войдя въ составъ организма, ради ея достиженія возникшаго, онъ подчиняется власти, господство которой уже не обусловливается, въ своемъ бытіи, согласіемъ подчиняемаго“ (стр. 237). Это положеніе требуетъ существенной поправки. „Отвергнуть церковь и государство“, по видимому, значитъ не быть членомъ той и другого. Но а) значеніе согласія подчиняемыхъ по отношенію къ власти церкви и государства различно, б) здѣсь слѣдуетъ различать двѣ точки зрѣнія—внѣ церковную (свѣтскую) и церковную.

Съ точки зрѣнія права современныхъ европейскихъ государствъ принадлежность къ церкви есть результатъ свободной воли каждаго ея члена—каждый воленъ оставаться въ церкви или выйти изъ нея. Непринадлежность ни къ какому религіозному обществу (Confessionslosigkeit) устраняетъ подчиненіе какимъ бы то ни было церковнымъ юридическимъ нормамъ. Не то по отношенію къ государству. Въ современныхъ культурныхъ условіяхъ совсѣмъ нельзя представить человѣка неподчиненнаго государству: непринятіе никакого подданства—Heimathlosigkeit—не означаетъ абсолютной свободы отъ государства и его нормъ. По этому моменту принадлежность къ церкви и подчиненіе ея нормамъ, съ точки зрѣнія свѣтскаго права, аналогична принадлежности ко всякому частно-правному союзу, подчиненіе которому имѣетъ своимъ источникомъ исключительно волю подчиняемаго; аналогіи съ подчиненіемъ нор-

мамъ государства нѣтъ. Но вступленіе въ церковь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ опредѣляется не волей самого субъекта: ребенокъ католическихъ родителей крестится еще до того времени, когда онъ имѣетъ возможность выразить свое согласіе на вступленіе въ церковь. Въ дальнѣйшей жизни его принадлежность къ церкви презумируется, если не было особаго публичнаго акта выхода изъ церкви. Съ этой стороны принадлежность къ церкви и подчиненіе ея господству аналогичны принадлежности къ государству и подчиненію государственной власти. Мы не говоримъ здѣсь о системѣ отдѣленія церкви отъ государства, при которой принадлежность къ церкви и подчиненіе ея нормамъ конструируется всецѣло по типу принадлежности къ частно-правному союзу и подчиненія его нормамъ. Не имѣя въ виду даже этой послѣдней системы, мы все же должны признать, что аналогія между церковью и государствомъ,—поскольку дѣло идетъ о власти, господство которой не обусловливается въ своемъ бытіи согласіемъ подчиненныхъ,—далеко не полная.

Иначе дѣло представляется, если стать на точку зрѣнія католической церкви. Послѣдняя считаетъ истинной церковью (просто церковью) только себя, всѣ другіе религіозные христіанскіе союзы не признаетъ формально-равноправными, и въ то же время не отказывается отъ юридической принадлежности лицъ и группъ лицъ, даже формально выдѣлившихся изъ нея (напр. протестантовъ, старокатоликовъ). Это притязаніе обосновывается слѣдующей дедукціей. Крещеніе, совершенное еретиками, признается въ церкви дѣйствительнымъ со всѣми юридическими послѣдствіями его. Протестантское крещеніе, слѣдовательно, установляетъ принадлежность къ католической церкви, и протестанты являются такимъ образомъ только *еретиками въ церкви*, противъ которыхъ слѣдовало бы обратить всю криминалистику канонического права и эвентуально средства принужденія, какими располагаетъ свѣтская власть [1]). Отсюда протестанты, живущіе въ предѣлахъ католическаго прихода, съ католической точки зрѣнія, подлежатъ юрисдикціи

[1]) Discrimen intercedit inter homines, qui extra gremium ecclesiae semper fuerunt, quales sunt infideles atque Iudaei, atque inter illos qui se ecclesiae ipsi per susceptum baptismi sacramentum subjecerunt. Primi etenim constringi ad catholicam obedientiam profitendam non debent; contra vero alteri sunt cogendi (Пій VI). См. O. Mejer. LB. d. deutsch. KR. 3 Aufl. S. 352 Anm. 6.

католическаго пароха [1]). Такимъ образомъ, съ церковно-католической точки зрѣнія, власть католической церкви понимается значительно шире: эта власть усматривается и тамъ, гдѣ ее не признаетъ государство, гдѣ она вытѣснена аналогичной властью другой организаціи. Если бы государствомъ было признано положеніе, что власть церкви не обусловливается согласіемъ подчиняемыхъ, то послѣдовательно должна быть допущена юрисдикція католической церкви надъ некатоликами (Akatholiken).

Мы остановились на этомъ вопросѣ потому, что въ книгѣ г. Байкова вообще не всегда различается церковная точка зрѣнія на различные моменты церковно-государственныхъ отношеній отъ точки зрѣнія государственной, или вообще свѣтской, а иногда онѣ прямо смѣшиваются.

Къ какимъ послѣдствіямъ влечетъ неясное различеніе двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія, можно видѣть изъ того, что излагается на слѣдующей же страницѣ книги (238). „Господство св. Престола, читамъ мы здѣсь, ограничивается составомъ принадлежащей ему компетенціи... Налагая на паству обязанности, руководя ея дѣятельностью согласно интересамъ церкви, св. Престолъ ограничивается, однако, опредѣленной компетенціей, внѣ предѣловъ которой воля его теряетъ свой правомѣрный характеръ, становится ничтожной въ *юридическомъ и каноническомъ* (*sic*) *отношеніяхъ*“ (курсивъ мой, какъ и ниже) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ говоритъ, что „компетенція церкви *a priori* (?) не совпадаетъ съ государственной“, далѣе слѣдуетъ нѣсколько цитатъ въ родѣ слѣдующей: „in rebus temporalibus et *sub respectu finis temporalis* ecclesia nihil potest in societate civili“. Г. Байковъ какъ будто не видитъ, къ чему ведетъ подчеркнутая мною клаузула. Да, sub respectu finis temporalis церковь не имѣетъ никакой власти in societate civili, а sub respectu aeternae salutis? Съ послѣдней точки зрѣнія всѣ предметы государственной компетенціи, отъ правомѣрности даннаго главы государства или правительства до отношенія работодателей къ рабочимъ, оказываются въ сферѣ компетенціи церкви. Такимъ образомъ, съ церковной точки зрѣнія компетенція церкви получаетъ такой обширный объемъ, что компетенція государства становится частью компетенціи церковной. Вся трудность юридическаго регламенти-

[1]) Hinschius System d. kathol. KR. II, S. 313.

рованія современныхъ отношеній между католической церковью и государствами зависитъ можетъ быть болѣе всего отъ несогласія новаго государства и церкви въ вопросѣ о предѣлахъ государственной и церковной компетенціи. Признаніе церковной компетенціи въ томъ объемѣ, въ какомъ ее признаетъ за собой католическая церковь, означало бы *отказъ государства отъ своей исключительной* компетенціи въ вопросахъ чисто свѣтскихъ.

Совершенно справедливо, что отрицаніе религіознаго суверенитета папы основано на смѣшеніи родового понятія: власти съ видовымъ: государственной власти. Разъясненіе этого вопроса, намъ кажется, составляетъ одинъ изъ цѣнныхъ результатовъ работы г. Байкова.

Различая церковное (религіозное) верховенство отъ верховенства государственнаго, нельзя также признавать правильнымъ положенія, что капитуляція Рима и основаніе итальянскаго королевства измѣнили что либо по отношенію къ церковному верховенству папы. Церковный суверенитетъ папы остался такимъ же, какимъ былъ ранѣе.

Но какъ понимать церковное (религіозное) верховенство папы? Государственное верховенство понимается въ международномъ оборотѣ такъ, какъ его понимаетъ каждое изъ государствъ, состоящихъ въ международномъ общеніи; послѣдовательность требуетъ понимать церковный суверенитетъ такъ, какъ его понимаетъ церковь, но это значитъ пожертвовать суверенными положеніемъ государствъ.

Г. Байковъ правъ, не допуская мысли о томъ, чтобы господство духовной власти надъ паствой (церковная власть) облекалось въ форму полномочій, вручаемыхъ ей государствомъ, или нравственныхъ требованій, источникъ обязательности которыхъ коренится въ одной лишь волѣ обязаннаго. Но дальнѣйшее его разсужденіе не можетъ не вызвать возраженія. „Христіанская церковь, продолжаетъ г. Байковъ, особенно католическая, въ той формѣ, *въ которую она вылилась подъ вліяніемъ исторической эволюціи* (курсивъ мой), заключаетъ въ себѣ всѣ существенные элементы верховенства: господство св. Престола надъ паствою, осуществляемое въ границахъ принадлежащей ему компетенціи, не обусловливается, въ своемъ бытіи, властью другихъ организмовъ, въ томъ числѣ и государства, или согласіемъ подчиняемыхъ“ (стр. 243). Само по себѣ выписанное мѣсто не заключаетъ ничего невѣрнаго, но здѣсь

игнорируется самый главный формальный признакъ высшей власти католической церкви, какъ эта власть *„вылилась подъ вліяніемъ исторической эволюціи“* и какъ эта же власть представляется въ сознаніи церкви. Католическая церковь притязала и притязаетъ доселѣ на такой суверенитетъ, какой государства признать за ней не могутъ. Церковный суверенитетъ, *a priori* совмѣстимый съ государственнымъ въ предѣлахъ одной и той же территоріи, при конкретныхъ условіяхъ политической жизни оказывается несовмѣстимымъ: онъ носитъ въ себѣ отрицаніе государственнаго суверенитета. Если бы авторъ не довольствовался апріорными соображеніями, а остановилъ бы свое вниманіе на исторически развившемся пониманіи католической церковью религіознаго верховенства, то тогда онъ не упустилъ бы изъ вниманія основного формальнаго признака послѣдняго—абсолютности (нѣтъ другого суверенаго союза, кромѣ католической церкви).

Г. Байковъ ставитъ себѣ задачу доказать, что прежнее свѣтское верховенство папы уничтожено не всецѣло—осталась яко бы экстерриторіальная и детерриторіальная власть папы въ предѣлахъ Ватикана. Основаніемъ этого утвержденія служитъ анализъ значенія оккупаціи Рима итальянскими войсками для папской власти. Авторъ посвящаетъ довольно значительное количество страницъ (245 и слѣд.) своей книги разсмотрѣнію этого вопроса. Быть можетъ, сужденія, высказанныя здѣсь, очень убѣдительны, если бы ему предварительно удалось убѣдить кого либо, кромѣ куріалистовъ, что современное положеніе итальянскаго правительства въ предѣлахъ бывшаго церковнаго государства и въ Римѣ должно обсуживаться, какъ положеніе оккупанта въ непріятельской странѣ. Та же степень убѣдительности обнаруживается и въ разсужденіи о томъ, что плебисцитъ 2-го октября 1870 года не могъ служить достаточнымъ титуломъ для пріобрѣтенія итальянскимъ правительствомъ верховной власти надо всѣмъ Римомъ, не исключая и Ватикана.

Намъ кажется, что здѣсь не достаточно ясно сознается значеніе факта съ его нормативной силой [1]). Не только въ области международныхъ отношеній, гдѣ принужденію, силѣ дано рѣшающее значеніе въ вопросахъ права, но и въ области внутреннихъ отношеній государства нормативная сила факта обнаруживается нерѣдко. При вспыхнувшей революціи,

[1]) См. Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Русск. пер. стр. 221 и особ. 223.

главари революціоннаго движенія, помимо всякихъ плебисцитовъ и вообще помимо какого бы то ни было юридическаго титула, становятся представителями, органами государства, если ихъ господство не сломлено силой же. По отношенію къ власти итальянскаго правительства надъ Римомъ къ факту съ его нормативной силой присоединилось еще и международное признаніе совершившагося факта. Указаніе на совершившійся фактъ и его признаніе, конечно, не рѣшаетъ вопроса о власти итальянскаго правительства по отношенію къ территоріи, занятой Ватиканомъ, оно только устраняетъ поиски разрѣшенія этого вопроса въ томъ направленіи, въ какомъ его ищетъ г. Байковъ.

Дѣло не въ оккупаціи Рима и не въ плебисцитѣ, а въ фактѣ утвердившагося властвованія итальянскаго правительства, а также въ признаніи этого факта въ международномъ общеніи. Надо выяснить содержаніе и пространство власти итальянскаго правительства послѣ того, какъ переходное время оккупаціи миновало и установилось нормальное государственное властвованіе этого правительства, иными словами—разсмотрѣть происхожденіе и юридическое значеніе Закона о гарантіяхъ и послѣдующіе факты отношеній между Квириналомъ и Ватиканомъ.

Вмѣсто этого авторъ прибѣгаетъ къ такому, напримѣръ, доказательству ad hominem. Рѣчь идетъ о пространствѣ дѣйствій плебисцита. „Въ административномъ отношеніи Ватиканъ, конечно, является частью Рима; но было бы странно, руководствуясь подобнымъ соображеніемъ, приравнивать его къ прочимъ кварталамъ послѣдняго, и въ силу этого, распространять на него, какъ это дѣлаютъ итальянисты, дѣйствіе плебисцита 2 октября. Ватиканъ—это центръ католическаго міра, откуда св. Престолъ властно управляетъ дѣлами церкви. Населеніе Ватикана—папа, служебный (духовный и свѣтскій) персоналъ куріи, въ томъ числѣ папская гвардія—не имѣетъ ничего общаго (?) съ населеніемъ, вотировавшимъ въ пользу Италіи“ (стр. 292).

Трудно также автору убѣдить кого либо въ такомъ положеніи: „св. Престолъ, экстерриторіальный въ предѣлахъ Ватикана, въ правѣ осуществлять всѣ полицейскія функціи, необходимыя для огражденія безопасности въ предѣлахъ данной мѣстности; то же должно сказать относительно административнаго и хозяйственнаго управленія, а также гражданской юрисдикціи

куріи, непосредственно вытекающихъ (?) изъ „экстерриторіальной формы верховенства“ (стр. 273). Полицейскія функціи св. Престола въ предѣлахъ Ватикана, административное и хозяйственное управленіе, а также и гражданская юрисдикція куріи ничѣмъ не отличаются respective отъ полицейскихъ функцій любого посла при Римскомъ дворѣ въ своемъ палаццо, его административнаго и хозяйственнаго управленія, равно какъ рѣшеній споровъ между домочадцами и слугами. Дѣло Мартинуччи достаточно ясно показываетъ, что итальянское правительство признаетъ за собой право на гражданскую юрисдикцію и въ предѣлахъ Ватикана, чему конечно нисколько не препятствуетъ невозможность приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія, требующія совершенія актовъ власти въ самомъ Ватиканѣ [1]).

Остатки территоріальной власти папскаго престола, которые quand même отстаиваетъ г. Байковъ.—это свѣтская власть папы. Усилія, направленныя сюда, тратятся едва ли производительно. *Церковный* суверенитетъ папы, въ границахъ компетенціи, допускаемой современнымъ правовымъ государствомъ, нисколько не пострадаетъ отъ того, какъ разсматривать экстер-

---

[1]) Дѣло Мартинуччи излагается авторомъ на стр 270, прим Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Мартинуччи, временно исполнявшій обязанности архитектора въ Ватиканѣ, предъявилъ въ королевскій судъ искъ—къ папскому мажордому и префекту апостолическихъ дворцовъ Теодоли въ размѣрѣ 15.218 лиръ и къ статсъ-секретарю Якобини на сумму 17 875 лиръ. Резолюціей отъ *16 авг 1882 г* римскій судъ первой инстанціи, признавъ, въ принципѣ, дѣло подлежащимъ его компетенціи, отклонилъ, однако, отъ себя разсмотрѣніе иска, принимая во вниманіе *фактическую* невозможность привести въ исполненіе судебное рѣшеніе за силой ст. 7 Закона о гарантіяхъ, гласящей: „Никто изъ должностныхъ лицъ и органовъ государственной власти не въ правѣ проникать (introdursi) для осуществленія своихъ публичныхъ обязанностей въ предѣлы дворцовъ и мѣстъ постояннаго жительства, а также временнаго пребыванія папы и мѣсто нахожденія конклава или вселенскаго собора, за исключеніемъ случаевъ, когда на то послѣдовало разрѣшеніе папы, конклава или собора“. Апелляціонный судъ утвердилъ 9 ноября т. г. резолюцію суда первой инстанціи. Въ приведенномъ фактѣ важно не то, что итальянскій судъ уклонился дать рѣшеніе по дѣлу—право суда на такой отказъ, въ виду только фактической невозможности привести въ исполненіе судебное рѣшеніе, спорно,—а то, что судъ въ двухъ инстанціяхъ призналъ дѣло подсуднымъ себѣ.—Положеніе нисколько не измѣнилось послѣ того, какъ папа учредилъ (25 мая 1882 г.) по поводу этого дѣла двѣ судебныя коммиссіи для разсмотрѣнія въ 1-й и 2-й инстанціяхъ претензій, предъявляемыхъ къ папской администраціи, а также соединенное присутствіе коммиссій подъ предсѣдательствомъ генеральнаго аудитора—въ качествѣ третьей инстанціи.

риторіальность св. Престола, какъ остатокъ свѣтской власти папъ, или какъ юридическое положеніе, созданное закономъ о гарантіяхъ 1871 года. Юридическій анализъ Закона о гарантіяхъ совсѣмъ не даетъ права разсматривать его, какъ актъ декларативный, не даетъ равнымъ образомъ права усматривать въ экстерриторіальности папы, что либо большее, чѣмъ экстерриторіальность государей и дипломатическихъ агентовъ.

Да и самая конструкція экстерриторіальной власти, данная г. Байковымъ, едва ли поможетъ обосновать мнимые остатки свѣтскаго верховенства папства. „Экстерриторіальная власть ограничивается въ своемъ дѣйствіи отрицательными признаками"—пишетъ г. Байковъ (стр. 167) и въ то же время держится взгляда, что не экстерриторіальность обусловливается территоріальной властью въ тѣсномъ смыслѣ слова, а наоборотъ послѣдняя обусловливается экстерриторіальнымъ верховенствомъ (стр 171, 176) Громоздкое построеніе территоріальной власти съ раздѣленіемъ ея на территоріальную въ тѣсномъ смыслѣ, экстерриторіальную и детерриторіальную едва ли можетъ дать большій результатъ, чѣмъ различеніе двухъ противоположныхъ дѣйствій (функцій) единой территоріальной власти—положительнаго и отрицательнаго; первое заключается въ актахъ властвованія, второе—въ исключеніи аналогичныхъ актовъ другой власти. Дѣло сводится къ положенію, которое можно характеризовать какъ аналогичное физическому закону непроницаемости тѣлъ: каждое тѣло занимаетъ извѣстное мѣсто въ пространствѣ и исключаетъ занятіе того же мѣста другимъ. Необходима наличность положительной функціи власти, чтобы сама собой появилась отрицательная. Одна отрицательная функція безъ положительной невозможна. Понятно, почему автору пришлось прибѣгнуть къ сомнительному положенію: „*потеря* территоріальной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова не всегда влечетъ за собой уничтоженіе экстерриторіальной власти, подъ тѣмъ однако условіемъ, *чтобы недостающая данному организму территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ слова* (т. е. потерянная имъ?) *не служила одновременно достояніемъ другого*". Такимъ образомъ представляется возможнымъ существованіе при господствѣ нормальнаго юридическаго порядка такой территоріи, по отношенію къ которой территоріальная власть потеряна однимъ общественнымъ союзомъ и не стала достояніемъ другого. Такого положенія въ дѣйствительности не бываетъ. Ссылка автора на оккупацію

можетъ помочь дѣлу только въ томъ случаѣ, когда самая оккупація будетъ разсматриваться не какъ фактъ (господствующій взглядъ), а какъ нормальное юридическое состояніе.

Все разсужденіе построено на тотъ конецъ, чтобы представить маленькую часть Рима, именно занятую Ватиканскимъ дворцомъ, какъ такую территорію, гдѣ территоріальная власть въ тѣсномъ смыслѣ, принадлежавшая ранѣе папѣ, потеряна имъ и въ то же время не стала достояніемъ ни одного государства, и такимъ образомъ изъ экстерриторіальности папы создать нѣкоторый небывалый видъ экстерриторіальности.

Въ общемъ построеніе г. Байкова сводится къ попыткѣ сѣсть между двухъ стульевъ. Изъ двухъ взаимно исключающихъ и не допускающихъ третьяго—положеній: а) папа имѣетъ территоріальную власть (куріалисты), б) папа не имѣетъ территоріальной власти (итальянисты),—нѣтъ иного логически правильнаго выхода, какъ принятіе одного и отверженіе другого. Неудача г. Байкова еще разъ даетъ видѣть, что обосновать притязаніе папства на *свѣтскій* суверенитетъ при наличности исторически сложившагося порядка невозможно.

Но это совсѣмъ не ведетъ къ отрицанію международной правоспособности папскаго престола, поскольку она является необходимымъ постулатомъ суверенной власти папы въ церкви. Законъ о гарантіяхъ создалъ условія безпрепятственнаго осуществленія св. Престоломъ его правъ какъ суверенной церковной власти.

Переходимъ къ разсмотрѣнію „личной власти“ св. Престола, выражающейся въ правѣ господства надъ паствой безотносительно къ территоріи, въ предѣлахъ которой пребываетъ послѣдняя и исключенія аналогичнаго по содержанію господства другихъ организмовъ.

Вполнѣ правильны соображенія автора о томъ, что отношенія власти и подчиненія въ церкви (въ католической, какъ и во всякой другой) нельзя смѣшивать съ моральнымъ вліяніемъ и подчиненіемъ этому вліянію, а также о томъ, что отсутствіе принужденія (физическаго—potestas coactiva) въ средствахъ церкви не можетъ служить основаніемъ отрицанія церковной власти (стр. 299 и слѣд., 304—305). Но здѣсь же авторъ развиваетъ положеніе, что св. Престолъ въ настоящее время „обладаетъ физическимъ принужденіемъ (?), поскольку послѣднее непосредственно вытекаетъ изъ экстерриторіальности и внѣ подданства папства“, иными словами—поскольку папа

суверенъ въ свѣтскомъ смыслѣ; „физическое принужденіе является необходимой санкціей функцій власти несомнѣнно свѣтскаго характера—гражданской юрисдикціи и полицейскаго, а также административно-хозяйственнаго управленія куріи". Далѣе говорится, что „католическая церковь издавна разсматривала себя въ качествѣ власть имущаго организма, управомоченнаго къ осуществленію принудительныхъ актовъ господства надъ паствою".

Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго отрицанія свѣтскаго суверенитета папы не можетъ быть допускаема въ какомъ бы то ни было объемѣ физическое принужденіе, какъ средство властвованія церкви. Съ противоположной точки зрѣнія признанія за папой свѣтскаго суверенитета физическое принужденіе должно быть допущено какъ средство церковнаго властвованія. Г-нъ Байковъ, сохранивъ за папой нѣкоторый остатокъ территоріальной власти, желаетъ также сохранить за нимъ и извѣстную долю принудительной власти. Папа, оказывается, можетъ осуществлять право принужденія въ случаѣ посягательства на экстерриторіальность куріи и въ случаѣ, когда необходима санкція его „функцій свѣтскаго характера"—напримѣръ гражданской юрисдикціи. Но если бы такое принужденіе имѣло мѣсто, то итальянскій судъ по аналогіи съ дѣломъ Мартинуччи послѣдовательно долженъ былъ бы признать себя компетентнымъ въ сужденіи о наличности и наказуемости преступленія, хотя бы и на этотъ разъ осталось тождественной невозможность привести рѣшеніе суда въ исполненіе.

И здѣсь г-нъ Байковъ не различаетъ точки зрѣнія католической церкви отъ точки зрѣнія государственной. Съ первой принудительная власть церкви не ограничивается предѣлами Ватикана, а должна имѣть примѣненіе во всей церкви; съ послѣдней право принужденія составляетъ исключительное достояніе государства. Положеніе, выставляемое авторомъ, не отвѣчаетъ, такимъ образомъ, ни реальнымъ юридическимъ отношеніямъ, ни церковному и государственному правосознанію.

Указавши на тотъ фактъ, что католическая церковь признаетъ себя управомоченной къ осуществленію принудительныхъ актовъ (въ смыслѣ potestas coactiva), г. Байковъ замѣчаетъ, что „въ качествѣ юриста" онъ ограничивается „констатированіемъ и опредѣленіемъ юридической природы этого факта, не касаясь нравственной оцѣнки послѣдняго" (стр. 307, 308). Само собою разумѣется, что авторъ взялся бы не за

свою задачу, если бы занялся этой оцѣнкой, но „въ качествѣ юриста“ онъ долженъ былъ произвести юридическую оцѣнку факта, заключающагося въ томъ, что въ предѣлахъ одной территоріи оказывается коллизія двухъ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга властей церкви и государства съ правами осуществлять физическое принужденіе. Но г. Байковъ уклонился и здѣсь отъ анализа реальныхъ юридическихъ отношеній.

Въ заключеніе нашей рецензіи отмѣтимъ положительныя и отрицательныя стороны разсматриваемой книги.

Въ ея пассивъ слѣдуетъ поставить: недостаточную освѣдомленность автора объ юридической структурѣ католической церкви, неясное различеніе государственной и церковной точки зрѣнія на различные вопросы, рѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ книги, а главное—неудавшуюся попытку доказать свѣтскій суверенитетъ папы (хотя бы и въ ограниченномъ объемѣ). Наиболѣе слабая сторона книги—историческая часть ея.

Но, какъ уже было отмѣчено, авторъ не только избѣжалъ, часто встрѣчающагося смѣшенія отношеній власти въ церкви съ отношеніями моральнаго вліянія, но и устранилъ ясной конструкціей власти недоразумѣніе относительно яко бы особой юридической природы церковной власти. Признаніемъ возможности двухъ суверенныхъ властей—церковной и государственной—въ предѣлахъ одной и той же территоріи, на нашъ взглядъ, значительно подвигается впередъ выясненіе вопроса объ отношеніи между государствомъ и церковью.

Евг. Темниковскій.